

I

Отряд Валлона выбрался на Эгнатиеву дорогу около полудня и поспешил по мощеному тракту на запад. Они ехали с глухим упорством, глядя вперед покрасневшими от недосыпания глазами. Шестнадцатого октября, три дня спустя, на закате они остановили лошадей на поросшем лесом гребне холма, с которого открывался прекрасный вид на побережье Адриатического моря. Валлон подался вперед, пытаясь разглядеть что-то в сгущавшихся сумерках. Солнце уже наполовину скрылось в море, украсив водную гладь и приморский город медными бликами. С такого расстояния он казался лишь маленьким пятнышком и невозможно было рассмотреть ни позиций норманнов, ни разрушений, вызванных осадными орудиями.

Валлон перевел взгляд на укрепленный византийский лагерь, раскинувшийся широким прямоугольником почти в пяти километрах от морского берега возле устья реки. Прочь от лагеря медленно двигалось густое облако пыли длиной в полкилометра.

Валлон посмотрел на Джосселина, одного из своих центурионов.

— Такое впечатление, что здесь собрались остатки имперских сил.

Джосселин кивнул.

— Судя по масштабам земляных работ, я предполагаю, что наши силы немного превышают полторы тысячи человек.

Валлон обвел взглядом местность, пытаясь определить, где должна произойти битва. Он решил, что это случится на равнине к северу от города.

Солнце практически скрылось за горизонтом, а море потемнело, став фиолетово-синим. Валлон обернулся. Его турецкие

воины дремали в седлах. Большая часть оставшихся солдат спешились и расположились под пробковыми дубами. Измученные лица воинов были покрыты пылью. За последние две недели они преодолели более четырехсот километров от проходившей по Дунаю границы Болгарии, перевалив через Балканские горы. Теперь эти люди были больше похожи на воинов, выживших после тяжелой сечи, чем на тех, кто готов вот-вот вступить в бой.

Снизу, с пригорка, послышался звон овечьих колокольчиков и сладкий звук струящейся воды. Некоторые солдаты уже возвращались с кожаными бурдюками и бочками, наполненными водой для измученных жаждой товарищей и животных. Три центуриона, которые сопровождали Валлона, взобрались на лошадей, ожидая его приказов. Он громко кашлянул, прочищая горло от пыли.

— Ужасно будет, если мы прибудем в лагерь после наступления темноты. Нам станут задавать кучу вопросов. Если повезет, мы найдем, где остановиться, только утром. Мы останемся здесь, а в лагерь отправимся до рассвета. Распределите то, что осталось от запасов. — Валлон повернулся к Конраду, немцу из Силезии, который был его правой рукой. — Капитан, возьмите десять человек, приведите их в порядок и сообщите командованию о нашем прибытии. Поместите раненых на одну из телег. Постарайтесь достать какую-нибудь еду. Выясните, что происходит, и сообщите мне.

— Да, граф.

Положение Валлона было не таким почетным, как его титул. Он командовал отрядом легкой и средней конницы, насчитывавшим двести девяносто шесть человек. Когда семь месяцев назад они выехали из Константинополя, направляясь в Болгарию, их было на двадцать человек больше. Их называли чужаками, наемниками, которых собирали со всех уголков империи и не только.

Когда Конрад уехал, под деревьями начали сгущаться глубокие тени. Телега с пятью перебинтованными ранеными скрылась из виду, поскрипывая и грохоча на камнях. Валлон направил коня к источнику. Воин немного прихрамывал из-за связки,

порванной во время боя девять лет назад. Теперь, когда ему было тридцать девять лет, Валлон начинал ощущать последствия всех мелких и крупных ран, которые ему нанесли за более чем двадцать лет участия в различных военных походах.

Источник бил из скалы у корней старого каменного дуба. Ствол дерева был расколот пополам, и в образовавшейся щели нашла приют статуя Богородицы с маленьким Иисусом на руках. На ветвях были развешены иконы, бубенцы и китайские колокольчики. Возле источника сидел старик с суровым лицом, сложив руки на груди. Рядом стоял мальчик, положив ладонь старику на плечо.

Валлон кивнул и произнес:

— Храни тебя Господь, отец.

— Твои люди крадут мою воду.

Валлон слез с лошади и опустил на колени.

— Мне кажется, что ее не стало меньше, с тех пор как мы здесь появились.

Старик покачнулся от негодования и нахмурился.

— Этот источник священен. Вы должны заплатить за воду.

Валлон наклонился, смахнул с лица волосы и, зачерпнув воду рукой, утолил жажду. Он закрыл глаза, наслаждаясь моментом.

— Любая вода священна для людей, страдающих от жажды. Но кому же нам платить? Мастеру, что создал источник, или человеку, что охраняет его? Я с удовольствием помолюсь за обоих.

Старик что-то пробормотал себе под нос.

Валлон вытер рот и кивнул в сторону равнины, где в сумерках начали загораться далекие точки костров.

— Ты знаешь, что там происходит?

Старик сплюнул.

— Убийство, насилие, грабеж. Все, что сопутствует действующей армии.

Валлон улыбнулся.

— Я скажу тебе, за что я заплачу. — Он выудил из кармана несколько монет и положил их на сморщенную ладонь старика. — Некоторые из моих людей заболели на болотах возле

Дуная. Им сложно есть грубую пищу. Если бы ты смог раздобыть для нас корзину яиц, немного молока и свежего хлеба...

Мальчик схватил монеты и внимательно изучил их.

— Они настоящие, дедушка.

Старик поморщился.

— Ты не грек.

— Я франк. Житейские бури вынудили меня посетить этот край.

Старик с трудом поднялся на ноги.

— Франки, англичане, руссы, турки... Империю наводнили иностранные солдаты.

— Кто-то должен воевать, пока ваши византийские хозяева красуются на ипподромах.

Мальчик повел старика вниз по склону холма.

Валлон съел немного изюма с галетами, завернулся в одеяло и уснул под тихий перезвон колокольчиков и бубенцов.

Его разбудил вернувшийся мальчик.

— Вот яйца и хлеб, господин.

Валлон протер глаза и посмотрел на него.

— Капитан Джосселин, вот немного еды для раненых.

Когда офицер удалился, Валлон подался вперед, разглядывая далекие отблески костров императорской армии, образовавших во тьме пылающую сетку. Он видел также другие костры, костры норманнов, опоясавшие осажденный город. Валлон знал о них лишь то, что их предводителем был Роберт Гвискар, Хитрец, герцог Апулии и Калабрии, талантливый полководец, который приехал в Италию в поисках приключений и спустя пятнадцать лет сумел основать собственное герцогство и заручиться поддержкой Папы Римского.

На дороге появился одинокий огонек факела, медленно приближавшийся к их лагерю. Послышался стук копыт. Валлон заметил человека, ведущего на веревке вьючную лошадь. Он приблизился. Это был мужчина крупного телосложения. Факел осветил заплетенную в косички рыжую бороду, редущие желтоватые волосы и красную тунику, украшенную золотом.

— Беорн Скромный, примицерий варяжской гвардии, — представился мужчина. — Вы люди графа Валлона? Хорошо. Проведите меня к нему.

Валлон ухмыльнулся и поднялся на ноги.

— Я здесь, у источника.

Беорн проковылял через подлесок и крепко обнял Валлона. Беорн действительно был крупным человеком с широкой грудью. В дверь ему обычно приходилось протискиваться боком. Однако Беорн изысканно одевался и в остальном также следил за своим внешним видом.

— Почему ты бродишь во тьме?

— У нас позади несколько недель утомительного пути. Я уснул, потому что очень устал.

— Ты опоздал на пир. Это так похоже на тебя. Я наткнулся на твоего немецкого центуриона, и он сообщил мне, что ты уже месяц питаешься одними червями. Я привез немного еды. Нельзя воевать с пустым желудком.

Валлон взял Беорна за руки.

— Мой дорогой друг!

Этот человек был таким же изгнанником, как и Валлон. Когда-то Беорн был английским ярлом, ветераном битв при Стамфорд-Бридже и Гастингсе, потерявшим поместье в Кенте, отобранное норманнами. Валлон завел с ним дружбу, когда они вместе участвовали в военной кампании в Анатолии. Они несколько раз спасли друг другу жизнь, и их дружба стала еще крепче, когда Беорн узнал, что Валлон был в Англии, владел английским языком и даже побывал на далеком севере.

Варяг повернулся к часовым.

— Отвяжите корзины и тащите их сюда.

Часовые согнулись пополам под тяжестью поклажи. Беорн открыл одну из корзин и начал изучать ее содержимое.

— Не та. Дайте другую. — Он заглянул в следующую корзину, удовлетворенно хмыкнул и достал оттуда жареного цыпленка. — Я привез три таких.

— Я не могу есть мясо, когда мои люди грызут сухари.

— Узнаю старину Валлона! Я направил германского капитана к распорядителю лагеря. До полуночи твои люди получат